

А. А. Герасимова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

anastasiagerasimova432@gmail.com

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ И АРГУМЕНТНЫЙ СТАТУС АКТАНТНЫХ ИНФИНИТИВНЫХ ОБОРОТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена исследованию структуры актантных инфинитивных оборотов в русском языке, а также условиям их лицензирования в качестве аргументов отглагольных дериватов, в частности, номинализаций. Высказывается гипотеза о том, что заполнение семантической валентности инфинитивным оборотом создает иную падежную конфигурацию, чем при реализации валентности именной группой. В работе показано, что количество функциональной структуры в инфинитивном обороте, а также структурная позиция, занимаемая зависимым инфинитивным актантом, определяют механизмы приписывания падежа внешнему аргументу матричного предиката.

В статье также формулируется предположение о том, что инфинитивные актанты не являются единообразными с точки зрения внутренней структуры. В работе экспериментально подтверждается, что инфинитивные актанты могут иметь разный категориальный статус в зависимости от семантического типа матричного предиката. Опираясь на новые экспериментальные данные, мы уточняем существующую теорию с целью объяснить круг явлений, связанных с лицензированием местоимений в инфинитивном обороте. Полученные результаты, с одной стороны, углубляют наши представления о различиях между ситуационными и термовыми аргументами, с другой — свидетельствуют о зависимости синтаксического поведения сентенциальных актантов от функциональной оболочки, в которую они вложены.

Ключевые слова: инфинитивный оборот, номинализация, структура именной группы, отрицательные местоимения, тип контроля, русский язык.³

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

1. Статус сентенциального актанта в русском языке

Исследователями выделяется два типа аргументов предикатов: термовые аргументы, прототипической реализацией которых являются именные группы, и сентенциальные актанты, которые выражают ситуационную валентность предиката и прототипически заполняются клаузой ([Апресян 1974], [Мельчук 1974]). К последнему типу аргументов в русском языке причисляют конструкции с союзами *что, будто, как, чтобы*, с единицей *то, что*, а также инфинитивные обороты. Предикаты, в модель управления которых входят сентенциальные актанты, называются матричными.

Предметом рассмотрения настоящей работы являются инфинитивные обороты в позиции дополнения. Согласно [Русская грамматика 1980], синтаксическая дистрибуция инфинитива сходна с дистрибуцией падежных форм существительного. Так, например, в присловной позиции, которой является позиция прямого дополнения, инфинитив может выполнять функцию информативно восполняющей формы, иметь объектное или определительное значения. Различие между инфинитивными и именными актантами состоит, во-первых, в соотношении перечисленных значений. Это вызвано тем, что форма инфинитива называет процесс, а не предмет. Во-вторых, различается тип присловной связи: глагол управляет именем, а между инфинитивом и глаголом имеет место примыкание. Сильное примыкание устанавливается при формировании объектных, восполняющих и определительных отношений, слабое — при формировании целевых отношений.

С учетом всех различий между инфинитивами и именными группами тот факт, что предикации могут иметь такой же статус синтаксического актанта, как и именные аргументы, не является очевидным и требует доказательства. В настоящее время принято считать, что предикации, примыкающие к главному предикату предложения, действительно являются актантами. Они проходят соответствующие диагностики, как, например, критерий шлюзования [Летучий 2012: 60], а также, подобно именным актантам, заполняют семантическую валентность предиката. Так что, как справедливо замечено в [Летучий 2012], нет ни синтаксических, ни семантических оснований не считать такие единицы актантами.

Тем не менее, актуальным остается вопрос, являются ли такие единицы синтаксическими актантами в том же смысле, что и термовые аргументы. Дело в том, что дистрибуция сентенциальных и именных актантов не совпадает: условия лицензирования предикативных составляющих оказываются более ограниченными. В работе [Летучий 2012] этот факт демонстрируется на материале русского языка; в частности, рассматриваются конструкции с союзом *что*, показателем *то, что* и инфинитивные обороты. Ограничения в синтаксическом поведении для трех упомянутых типов сентенциальных актантов оказываются неодинаковыми. Автор предполагает, что различия в дистрибуции обуславливаются отсутствием морфологических показателей падежа у двух из трех рассматриваемых конструкций. Однако затем эта идея отвергается, поскольку находятся примеры несклоняемых единиц, которые не подчиняются ограничениям, характерным для сентенциальных актантов.

Идее о (не)возможности приписывания синтаксического падежа сентенциальным аргументам посвящено большое количество исследований. Так, согласно анализу, предложенному в работе [Кнуязев 2016] для конструкций с союзом *что*, сентенциальные актанты проходят падежный фильтр, поскольку, в отличие от других типов ситуационных аргументов, оказываются вложенными в DP-оболочку. Другими словами, возможно, именно различия в синтаксической категории определяют синтаксическую дистрибуцию актантов.

Таким образом, исследователи приходят к идее о том, что синтаксическое поведение сентенциальных актантов определяется тем, какая функциональная вершина возглавляет синтаксическую структуру. В частности, в статье [Летучий 2012] предлагается считать, что в различных позициях сентенциальным актантам соответствует различный синтаксический статус.

Уже давно замечено, что инфинитивные обороты могут иметь различную внутреннюю структуру в зависимости от конфигурации, в составе которой они находятся. Иными словами, матричные предикаты бывают избирательны в отношении синтаксической категории зависимого инфинитивного актанта. В работах С. Вурмбранд [Wurmbrand 1998, 2003] показано, что инфинитивные конструкции могут соответствовать синтаксическим объектам разного размера: как TP и CP в случае предикатов подъема и предикатов контроля английского языка соответственно, так и группе лексического глагола VP, как в случае реструктурирующих инфинитивов, когда все предложение анализируется как единая клауза.

Исследованию размера инфинитивного оборота в русском языке посвящена работа [Babby 1998]. В статье проводится сравнение инфинитивных актантов с точки зрения контроля нулевого подлежащего нефинитной клаузы (PRO). Автор приходит к заключению, что инфинитивные актанты предикатов субъектного контроля имеют категориальный статус глагольной группы VP, в то время как при объектном и произвольном контроле матричные предикаты требуют более высокого категориального статуса инфинитивного актанта, а именно, статуса CP.

В данной статье будут рассмотрены два экспериментальных исследования синтаксического поведения инфинитивных оборотов, которые могут приблизить нас к решению двух указанных проблем: с одной стороны, они способствуют исследованию соотношения сентенциальных и термовых аргументов; с другой, — уточняяют теорию о различном категориальном статусе инфинитивных актантов.

2. Номинализации с инфинитивным дополнением

В уже упомянутой работе [Летучий 2012] в качестве одного из синтаксических тестов, определяющих неполноценный актантный статус инфинитивного оборота, используется критерий преобразования при номинализациях. Утверждается, что при номинализации предиката, прямое дополнение которого выражено инфинитивным оборотом, становится недопустимым творительный падеж внешнего аргумента имени действия (1).

(1) **Желание игроками достичь большего.*

Данное утверждение требует проверки. Если использование инфинитивного оборота в качестве аргумента номинализации накладывает ограничения на маркирование внешнего аргумента инструменталисом, это может значить только то, что инфинитивный актанта оказывает влияние на механизм приписывания творительного падежа. Иначе говоря, предполагается, что инфинитивный оборот задействован в падежной проблематике. В таком случае необходимо понять, что именно делает прямое дополнение, выраженное инфинитивным оборотом, неполноценным. В предыдущем разделе была отвергнута идея о связи «неполноценности» и отсутствия морфологических показателей. Тогда, согласно [Летучий 2012], единственной возможной причиной ограничений может быть синтаксический статус инфинитивного актанта. Из предшествующей литературы ([Babby 1998]) известно, что категориальный статус инфинитивного оборота связан с типом контроля PRO, который, в свою очередь, является лексическим свойством матричного предиката. Из этого вытекает, что ограничения на падеж подлежащего определяются свойствами матричного предиката. Но так становится неясно, за счет чего сентенциальные актанта с показателем *то, что* минуют рассматриваемое ограничение, какой статус они в таком случае должны иметь. Так или иначе, прежде чем строить дальнейшие рассуждения, нужно исследовать роль инфинитивного оборота в установлении падежной конфигурации и подтвердить или опровергнуть влияние инфинитивного актанта на падеж внешнего аргумента номинализации. Для этих целей было решено провести экспериментальное исследование.

Если инфинитивные обороты в действительности лицензируются падежом, и делают невозможным творительный падеж подлежащего, мы сможем увидеть, что носители отдают явное предпочтение в пользу родительного падежа внешнего аргумента номинализаций с инфинитивными дополнениями и оценивают творительный падеж подлежащего как неграмматичный. В обратном случае, если инфинитивный оборот не влияет на приписывание падежа другим аргументам номинализации, носители должны одинаково оценивать творительный падеж внешнего аргумента как при инфинитивном актанте, так и в его отсутствие. Приходим к тому, что наиболее подходящей будет структура эксперимента, при которой мы поймем, как носители русского языка оценивают родительный и творительный падежи внешнего аргумента при разных типах номинализаций.

Итак, предметом исследования являются номинализации с инфинитивными дополнениями. Событийные номинализации с зависимым инфинитивным оборотом, как и соответствующие им матричные глаголы, можно различить по типу контроля — а именно, в соответствии с тем, какой актанта имени действия контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы. В поле нашего рассмотрения попали только предикаты с субъектным и объектным контролем нулевого подлежащего инфинитивного оборота. Множество предикатов объектного контроля мы разделили на две группы в зависимости от семантической роли контролера PRO. Таким образом, мы выделили три типа номинализаций с инфинитивными актантами: имена действий с субъектным (2), адресатным (3), и пациентивным контролем (4).

- (2) *обещание монархом провести референдум;*
- (3) *разрешение таможни провезти агрегат;*
- (4) *упрашивание девочкой бабушки купить игрушку.*

Упомянутые классы отличаются не только типом контроля PRO, но и количеством и способом реализации остальных семантических валентностей. Уточним, что в рамках данной работы вслед за [Alexiadou 2001], [Пазельская, Татовцов 2008], [Лютикова 2014] мы будем считать, что номинализация представляет собой совокупность глагольных проекций, вложенную в номинализующую оболочку. Иными словами, имена действий событийной интерпретации при деривации сохраняют аргументную структуру глагола.

Для сравнения мы также рассмотрим номинализации без инфинитивных дополнений, образованные от разных типов основ: имена действия, образованные от переходных основ, от основ, лексически управляющих внутренним аргументом, неэргативных основ. Это позволит нам понять, как между собой соотносятся имена действий с инфинитивными дополнениями и без них.

Подробнее хотелось бы остановиться на вопросе о том, насколько в принципе творительный падеж бывает допустим при номинализациях. Дело в том, что русские имена действий, с точки зрения падежного оформления аргументов, относятся к классу эргативно-посессивных ([Kortjevskaja-Tamm 1993]). Единственный аргумент одноместной основы и внутренний аргумент переходной основы получают падеж посессора (генитив), а внешний аргумент переходной основы — особый падеж (инструменталис):

- (5) а. *падение курса рубля* (внутренний аргумент одноместной основы)
- б. *ворчание соседей* (внешний аргумент одноместной основы)
- в. *исполнение арии Шаляпиным*

(внутренний и внешний аргументы переходной основы)

Однако, как показывают корпусные данные, использование внешнего аргумента в творительном падеже не ограничено номинализациями, образованными от переходной основы. Корпусное исследование показывает, что при всех упомянутых типах номинализаций без инфинитивных актантов внешний аргумент может оформляться как генитивом, так и инструменталисом, т. е. демонстрирует вариативное падежное маркирование.

- (6) *Ян Альберт ограничил оптовую торговлю евреев скотом и текстильными изделиями (1493), но Александр Ягеллон в 1503 г. и 1506 г. восстановил их прежние права.* [коллективный. Форум: Как Львов стал украинским городом (2011)]

- (7) *В 1517 году Лютер начал борьбу за очищение церкви и прибил к дверям замковой церкви в Виттенберге «95 тезисов против индульгенций», где выступил против торговли церковью небесной благодатью.* [Роман Лункин. Христианский ответ обществу потребления // «Эксперт», 2013]

В корпусе номинализации с инфинитивными дополнениями практически не представлены. Поэтому корпусные данные не дают возможности охарактеризовать маркирование актантов при таких именах действия. Однако мы можем предположить, что при именах действий с инфинитивным дополнением также возникает явление падежного варьирования.

Для определения роли инфинитивного актанта в установлении падежной конфигурации был проведен лингвистический эксперимент с участием 78 респондентов. Испытуемым были представлены предложения с событийными номинализациями, внешний аргумент которых стоял в родительном или в творительном падеже. Респондентам предлагалось оценить грамматичность предложений по шкале от одного до пяти.

(8) а. *Настойчивое требование педагога прочитать статью вызвало у всех большой интерес.*

б. *Длительное убеждение банкирами вкладчиков оставить деньги на счетах, наоборот, отпугнуло клиентов.*

В результате исследования мы проанализировали оценки грамматичности отдельных стимульных предложений и посчитали среднюю оценку для каждого из рассматриваемых типов номинализаций.

Согласно результатам экспериментального исследования, оценка грамматичности оформления внешнего аргумента творительным падежом коррелирует с тем, какой актант контролирует нулевое подлежащее нефинитной клаузы (критерий хи-квадрат, $\alpha = 0,05$). Так, инструменталис в случае адресатного контроля оценивается как более допустимый, чем при субъектном контроле, и как менее допустимый, чем при пациентивном. В итоге получаем ранжирование средних оценок по уровням (см. Таблица 1).

Для номинализаций без инфинитивных дополнений мы также наблюдаем статистически значимое различие оценок инструменталиса для разных типов основ. Как наиболее приемлемый творительный падеж внешнего аргумента воспринимается при переходных основах. Как менее допустимый носители оценивают творительный при номинализациях с лексически управляемым внутренним аргументом. Наконец, как наименее приемлемый был оценен инструменталис подлежащего в предложениях с именами действия, образованными от неэргативных глаголов.

Таблица 1

Средняя оценка для рассматриваемых типов номинализаций

	Уровень оценок 1		Уровень оценок 2		Уровень оценок 3	
	номинализации с пациентивным контролем инфинитивного дополнения	переходные глаголы	номинализации с адресатным контролем инфинитивного дополнения	глаголы с лексически управляемым внутренним аргументом	номинализации с субъектным контролем инфинитивного дополнения	неэргативные глаголы
Инструменталис	2,77	3,61	2,27	2,09	2,52	1,41
Генитив	1,99	1,87	4,53	4,15	3,92	4,27

При дальнейшей обработке данных мы проанализировали, как между собой соотносятся выделенные в результате эксперимента уровни оценок. Оказалось, что различия оценок для имен действий с инфинитивными актантами и имен действий без них внутри одного уровня не являются статистически значимыми (критерии Манна-Уитни, $\alpha = 0,05$). Иными словами, устанавливается соответствие между номинализациями с инфинитивными дополнениями и номинализациями без инфинитивных актантов. Так, оценка творительного падежа внешнего аргумента имен действий с пациентивным контролем PRO оказывается на том же уровне, что и оценка инструменталиса подлежащего переходной основы; именам действия с адресатным контролем соответствуют номинализации от основ, лексически управляющих внутренним аргументом; наконец, при субъектном контроле средние оценки такие же, как при неэргативных основах.

Попробуем объяснить возникшее соответствие. Для этого мы будем использовать терминологию конфигурационной теории приписывания падежа А. Марантца. Напомним, что в рамках этой теории распределение падежей в клаузе связано с конфигурацией синтаксических вершин. Падежи приписываются в соответствии с иерархией, которая реализуется в зависимости от количества и расположения еще не маркированных вершин.

В случае номинализаций, образованных от основ неэргативного типа, единственным аргументом, требующим приписывания падежа, оказывается внешний аргумент номинализации. Поскольку творительный падеж оценивается в этом случае как столь же грамматичный, что и при именах действия с инфинитивным дополнением субъектного контроля, предположим, что во втором случае внешний аргумент имени действия имеет такой же статус. Тогда получаем, что инфинитивный актант не влияет на падеж внешнего аргумента. Действительно, если инфинитивный оборот не задействован в падежной конкуренции, для рассматриваемых номинализаций с инфинитивным дополнением и без него образуются одинаковые падежные конфигурации (9).

В случае адресатного контроля инфинитивный оборот занимает позицию прямого дополнения. При этом в структуре также присутствует аргумент с лексически управляемым падежом, который, в традиционных терминах, представляет собой не прямое дополнение. При условии, что инфинитивный актант не участвует в процессе распределения падежей, при отглагольной деривации лексический падеж сохраняется, приписывания падежа требует только внешний аргумент номинализации. С такой конфигурацией сопоставимо устройство номинализаций, образованных от двухместных глаголов, управляющих лексическим падежом (10), что подтверждается однородными оценками респондентов для двух типов имен действия.

Наконец, при пациентивном контроле PRO инфинитивного оборота номинализация обладает внутренним аргументом, падеж которого не управляется лексически, то есть который при соотносимо с номинализацией глагольном предикате выступает в роли прямого объекта. Падеж внешнего аргумента возникает в результате конкуренции внешнего аргумента с внутренним, что соответствует ситуации

приписывания падежа при именах действия, образованных от переходных глаголов (11). Таким образом, на основании диатетического сходства каждому типу номинализации с инфинитивным дополнением можно поставить в соответствие имена действия, образованные от глаголов, не являющихся матричными.

- (9) а. *обещание монарха* [_{INF} *провести референдум*]
б. *катание фигуриста на коньках*
- (10) в. *разрешение таможни (ученым)* [_{INF} *провезти агрегат*]
г. *подражание дилетанта мастеру*
- (11) д. *упрашивание девочкой бабушки* [_{INF} *купить игрушку*]
е. *открытие юбиляром бутылки*

Итак, во-первых, результаты эксперимента продемонстрировали, что инфинитивный оборот не влияет на приписывание падежа внешнему аргументу номинализации. Об этом свидетельствует отсутствие статистически значимых различий между оценками грамматичности предложений с номинализациями с инфинитивными дополнениями и предложений с номинализациями, образованными не от матричных глаголов. Из этого следует, что заполнение позиции инфинитивным оборотом создает совсем иную конфигурацию, чем в случае заполнения ее именной группой. В частности, пример (1), с которого мы начали изложение, соответствует номинализациям, образованным от неэргативных глаголов, а не переходным именам действия. Такое поведение можно считать одним из отличий инфинитивного сентенциального актанта от термовых аргументов. Однако мы также приходим к тому, что низкую оценку грамматичности инструменталиса подлежащего нельзя использовать как критерий неполноценности сентенциальных актантов.

Таким образом, мы установили, что присутствие в структуре номинализации инфинитивного оборота меняет ее падежную конфигурацию. Более того, результаты показывают, что тип контроля нулевого подлежащего инфинитивного оборота и падежная конфигурация, в которой находятся аргументы номинализации оказываются во взаимно-однозначном соответствии. Иными словами, падежная конфигурация задается лексическими свойствами матричного предиката.

Заметим, что для оценок предложений с генитивом внешнего аргумента номинализации подобных закономерностей не наблюдается. Для номинализаций одного уровня оценок появление в структуре инфинитивного оборота не приводит к изменению оценки грамматичности. Что касается противопоставления конфигураций друг другу, значимо выделяются только низкие оценки генитива при номинализациях, образованных от переходной основы. Этот факт можно объяснить стремлением испытуемых избежать ситуации, когда внешний и внутренний аргументы кодируются одним падежом, а именно, родительным.

Представленные данные также демонстрируют, что появление в синтаксической структуре инфинитивного актанта в целом понижает оценку грамматичности творительного падежа внешнего аргумента. При этом сам инфинитивный оборот

не является существенным фактором для осложнения синтаксической структуры предложения, поскольку при именах действия с генитивом внешнего аргумента понижения оценок не наблюдается. Возможно, что в конструкциях с творительным падежом внешнего аргумента синтаксическая структура уже оказывается осложненной, а именно, в ней присутствуют дополнительные функциональные проекции. Поэтому присоединение нефинитной клаузы воспринимается при восприятии речи как чрезмерное осложнение и оценивается носителями как неестественное, хотя не вызывающее серьезных нареканий с точки зрения грамматичности.

Вопрос о том, за счет каких механизмов реализуется падежное варьирование, мы пока оставляем открытым. Заметим только, что падежная теория, которая стремится дать объяснение дифференцированному маркированию внешнего аргумента номинализаций в русском языке, должна учитывать более низкие оценки внешнего аргумента в инструменталисе при номинализациях с инфинитивным дополнением.

3. Параметр равно/разносубъектности

В данном разделе мы обратимся ко второй заявленной в начале статьи проблеме, связанной с размером инфинитивного оборота. Уже упомянутый анализ Л. Бэбби предполагает, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот представляет собой CP. Из этого следует невозможность вертикального связывания субъектной валентности вложенного предиката⁴, так что она заполняется PRO. Доказательством этому служит дательный падеж плавающих определителей, которые согласуются с нулевым подлежащим⁵ (12а). Интересно, однако, что в случае объектного контроля некоторые носители русского языка допускают и согласованную с контролером форму плавающих определителей, что может расцениваться как свидетельство отсутствия CP в такой конструкции (12б).

- (12) а. *Маша просила Петю, не ходить туда одному.*
б. *Маша просила Петю, не ходить туда одного.*

Повод к размышлению дают не только правила лицензирования плавающих определителей, но и особенности дистрибуции отрицательных местоимений. Так, они всегда лицензируются в предложениях с сопредикатным отрицанием, но могут быть как допустимы, так и запрещены при отрицании в подчиняющей пропозиции [Падучева 2014]:

- (13) а. *Он, видите ли, не хотел никого обременять своим горем.*
б. *Я не пытаюсь ничего истолковывать в его пути.*
в. *??? Он не сказал ничего смотреть по телевизору.*
г. *??? Ему не нравится никого приучать к порядку.*

⁴ Единица В связана А, если а) А с-командует над В; б) А и В коиндексированы.

⁵ В том случае, когда подлежащее инфинитивной клаузы эксплицитно выражено, оно всегда маркировано дательным падежом (пр. *Ему самому не справиться*).

Обратим внимание, что перечисленные примеры различаются только предикатами главной клаузы, т. е. матричными предикатами. Известно, что матричные предикаты способны накладывать ограничения на способы выражения своей ситуационной валентности [Givón 1980]. Можем предположить, что синтаксическое поведение отрицательных местоимений определяется именно этой особенностью матричных предикатов. Иначе говоря, дистрибуция отрицательных местоимений определяется категориальным статусом инфинитивного оборота.

Для проверки предположения определим размер инфинитивного оборота при различных матричных предикатах с помощью критериев, связанных с отрицанием.

В русском языке мы выделяем следующие семантические типы матричных предикатов (по [Noonan 1985]): модальные предикаты (*мочь, должен*), дезидеративные предикаты (*хотеть, надеяться, желать*), аспектуальные глаголы (*начинать, переставать*), имплицативные (*пытаться, удаваться*), манипулятивные (*предлагать, заставлять*), экспериенциальные (*нравиться, рад*), предикаты (косвенного) вопроса (*знать, спрашивать*). Предикаты речи мы разделяем на две группы. В первую попадают предикаты субъектного контроля, такие как *обещать, клясться*. Во вторую группу мы относим предикаты объектного контроля, сходные по смыслу с манипулятивными предикатами, как *говорить/сказать*. Морфосинтаксические характеристики этих двух типов матричных предикатов будут рассматриваться отдельно.

Мы также включили в список рассматриваемых конструкций аналитическое будущее время. Очевидно, что *быть* и *стать* являются вспомогательными глаголами в аналитическом будущем времени, а не матричными предикатами, имеющими семантическую валентность на ситуацию. Этот случай мы используем для верификации используемых диагностик.

3.1 Определение размера инфинитивного оборота

Во-первых, мы оценили количество функциональной структуры в инфинитивном обороте, установив, возможна ли в его составе проекция отрицания NegP. Мы исследовали, какая позиция отрицательной частицы *не* является предпочтительной для носителей русского языка: перед матричным предикатом или перед вложенным предикатом. Был проведен эксперимент, в котором испытуемым предлагалось выбрать, в какой позиции должно стоять отрицание, чтобы предложение звучало наиболее естественно. Так, например, выбор производился между предложениями (14а-б), (15а-б).

- (14) а. *Я не хотел болеть во взрослом возрасте.*
б. *Я хотел не болеть во взрослом возрасте.*
- (15) а. *Экскурсовод не предлагает ходить в такие кафе.*
б. *Экскурсовод предлагает не ходить в такие кафе.*

Во-вторых, мы определяли размеры инфинитивного оборота при разных типах матричных предикатов, исследуя локальные ограничения, а именно ограничения на лицензирование отрицательных местоимений. Мы исходили из предположения

о том, что категориальные узлы выше глагольной группы могут представлять собой барьеры для установления зависимостей локального характера. Говоря другими словами, размер инфинитивного оборота можно оценить, установив, есть ли в его составе проекции, блокирующие лицензирование отрицательных местоимений.

Был проведен эксперимент, в котором мы просили респондентов оценить грамматичность предложений с инфинитивными актантами с отрицательными местоимениями в разных структурных позициях: во-первых, в позиции после вложенного предиката, которая является базовой для дополнения (16а); в позиции в начале инфинитивной клаузы (16б); наконец, в позиции перед матричным предикатом, куда отрицательное местоимение может подниматься (16в).

- (16) а. *Мужу Наташи не нравится мучить вопросами никого.*
- б. *Этот офицер не предлагал им никого предавать.*
- в. *Редактор газеты пока ничего не обещал публиковать.*

Распределение отрицательных местоимений по позициям внутри инфинитивного оборота отражает позиционное распределение местоимений и полных именных групп, поскольку в коммуникативно нейтральных предложениях отрицательное местоимение клитизуется и передвигается в позицию перед вложенным предикатом. Таким образом, чтобы установить количество функциональной структуры инфинитивного оборота, достаточно изучить грамматичность отрицательных местоимений в главном и зависимом предложениях.

По результатам двух диагностик можем выделить три группы матричных предикатов. Первая группа объединяет модальные, деидеративные, имплицативные, аспектуальные, предикаты речи типа *обещать*, предикаты будущего времени. При них отрицание возможно как перед матричным, так и перед вложенным предикатом, и отрицательные местоимения лицензируются в любой позиции. Вторую группу формируют манипулятивные предикаты и предикаты речи типа *говорить*. При них предпочтение отдается отрицанию вложенного предиката, а отрицательные местоимения лицензируются только в инфинитивной клаузе. Наконец, в третью группу входят экспериенциальные и предикаты косвенного вопроса. При них отрицательные местоимения в инфинитивном актанте не лицензируются.

Итак, проведенные диагностики подтверждают гипотезу о том, что семантический тип матричного предиката коррелирует с синтаксической структурой инфинитивного актанта. Возникает вопрос, на каком основании семантические классы матричных предикатов объединяются в группы. Легко заметить, что таким основанием является тип контроля. Видим, что первой группе соответствует субъектный тип контроля, второй — объектный, третьей — произвольный.

3.2 Уточнение теории

Таким образом, мы наблюдаем, что категориальный статус актантного инфинитивного оборота коррелирует не просто с семантическим типом матричного предиката, а с параметром равно/разносубъектности либо отсутствием обязательного

контроля. Такой вывод частично повторяет решение, предложенное Л. Бэбби. Уточнение теории состоит в том, что мы не только предполагаем, что при предикатах субъектного контроля инфинитивный оборот имеет размер глагольной группы, но и высказываем гипотезу о том, что при предикатах объектного контроля инфинитивный оборот имеет размер ТР, а при предикатах произвольного контроля — СР.

В соответствии с выдвинутым предположением объясним действие рассмотренных диагностик. При предикатах объектного и произвольного контроля в инфинитивном обороте имеется проекция отрицания, как один из признаков финитности для клауз размера ТР и СР. Это подтвердилось результатами опроса.

(17) *Лауреат премии предлагает [ТР PRO [VP не проводить этот опасный эксперимент]].*

(18) *Начальник рад [СР [ТР PRO [VP не мешать продвижению сотрудника в компании]]].*

При статусе инфинитивного актанта, соответствующем VP, отрицание может с равной вероятностью находиться в каждой из позиций, что объясняется допустимостью подъема отрицания из вложенной клаузы в главную.

(19) *Герой книги не хочет [VP бояться за своих близких]].*

(20) *Герой книги хочет [VP не бояться за своих близких]].*

Интерпретация предложений (19) и (20) совпадает. Отметим, что, согласно [Падучева 1990], при подъеме отрицания инфинитивный оборот также представляет собой контекст, допустимый для слов с отрицательной поляризацией.

Вариант, когда предпочтение отдается отрицанию перед матричным предикатом, отражает реальную структуру только аналитического будущего времени, где *быть/стать* является вспомогательным глаголом. В остальных случаях предпочтение отдается в силу семантических и прагматических причин.

(21) *Петя не [VP стал [VP доверять своему товарищу после случившегося]].*

По результатам второй диагностики можно заключить, что у предикатов субъектного контроля нет ограничений на лицензирование отрицательных местоимений. Более того, отрицательные местоимения свободно перемещаются во все позиции в рамках одной клаузы. При объектном контроле инфинитивный оборот имеет размер ТР. При этом проекция ТР не является барьером для лицензирования отрицательных местоимений, но не допускает их передвижения из зависимой клаузы в главную. Статус ТР объясняет допустимость согласованной с контролером формы плавающих определителей в предложении (22):

(22) *Маша просила Петю, не ходить туда одного.*

При произвольном контроле проекция СР инфинитивного оборота блокирует лицензирование отрицательных местоимений. Поэтому в таких предложениях они оказываются невозможны.

4. Заключение

В рамках данной работы мы исследовали инфинитивные обороты русского языка в контексте двух теоретических проблем, связанных со статусом сентенциальных актантов. С одной стороны, мы установили одно из отличий инфинитивных актантов от термовых аргументов, которое заключается в том, что заполнение семантической валентности инфинитивным оборотом создает иную падежную конфигурацию, чем при реализации валентности именной группой.

С другой стороны, мы экспериментально подтвердили, что инфинитивные актанты могут иметь разный категориальный статус в зависимости от семантического типа матричного предиката. При этом было установлено, что противопоставление размеров инфинитивного оборота является не бинарным, а тернарным, в соответствии с параметром типа контроля. Таким образом, существующая теория была дополнена и теперь способна объяснить круг явлений, связанных с лицензированием местоимений в инфинитивном обороте.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Летучий А.Б.* О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. №5. С. 57–87.
- Лютикова Е.А.* Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "Типология морфосинтаксических параметров 2014". Вып. 1 / ред. Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг, М.Б. Коношенко. М., 2014. С. 120–145.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл Текст». М., 1974.
- Падучева Е.В.* Снятая утвердительность и неверидикативность. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). Вып. 13 (20). М., 2014. С. 489–505.
- Падучева Е.В.* Отрицание. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: 1990.
- Пазельская А.Г., Татевосов С.Г.* Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / ред. В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов. М., 2008. С. 348–380.
- Русская грамматика.* Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.
- Alexiadou A.* Functional Structure in Nominals. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting. 1998. P. 17–37.

Givón T. The Binding Hierarchy and the Typology of Complements. // Studies in Language 4. 1980. P. 333–377.

Knyazev M. Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses. LOT, Vol. 418, 2016.

Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. Routledge, 2002.

Noonan M. Complementation // Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions. / ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.

Pesetsky D., Torrego E. T-to-C Movement: Causes and Consequences // Ken Hale: A life in Language / ed. by M. Kenstowicz. MIT Press, 2000.

Wurmbrand S. Infinitives. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.

Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55), 2003.

A. A. Gerasimova

Lomonosov Moscow State University

Moscow State Pedagogical University

(Russia, Moscow)

anastasiagerasimova432@gmail.com

SYNTACTIC CATEGORY AND ARGUMENT STATUS OF RUSSIAN INFINITIVAL COMPLEMENTS ⁶

This paper deals with the structure of embedded infinitival complement clauses and conditions on their licensing as arguments of nominalization. I hypothesize that using the infinitival clause for theta-role realization creates a different case configuration as compared to an argumental noun phrase. I show that the amount of functional structure in the infinitival clause affects case assignment mechanisms, especially with regard to the external argument of the nominalization.

The paper also discusses the issue of the variable structural shape of Russian infinitival clauses. I argue that semantic properties of matrix verbs, specifically, their control type, determine the syntactic categories of their infinitival complements. The study allows us to expand the existing theory in order to account for negative pronoun licensing. In this way, the data presented in the paper not only describes the difference between nominal and clausal arguments, but also provides evidence for correlation

⁶ The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #16-18-02003 "Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian" at MSPU.

between syntactic behavior and the category of the functional phrase dominating the syntactic object.

Key words: infinitival clause, nominalization, noun phrase structure, negative pronouns, negative polarity item, case variation, control type, Russian.

References

- Alexiadou A. *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Babby L.H. *Subject control as direct predication: Evidence from Russian*. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting*. 1998, pp. 17–37.
- Givón T. *The Binding Hierarchy and the Typology of Complements*. *Studies in Language* 4. 1980, pp. 333–377.
- Knyazev M. *Licensing clausal complements: The case of Russian čto-clauses*. LOT, Vol. 418, 2016.
- Koptjevskaja-Tamm M. *Nominalizations*. Routledge, 2002.
- Noonan M. *Complementation. Language typology and syntactic description. Vol. 2: Complex constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 42–140.
- Pesetsky D., Torrego E. *T-to-C Movement: Causes and Consequences*. *Ken Hale: A life in Language*. MIT Press, 2000.
- Wurmbrand S. *Infinitives*. Ph.D. Dissertation, MIT, 1998.
- Wurmbrand, S. *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Mouton de Gruyter (Studies in Generative Grammar 55), 2003.
- Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow, 1974.
- Letuchii A.B. *O nekotorykh svoistvakh sententsial'nykh aktantov v russkom yazyke*. *Voprosy yazykoznaniya*, 2012, no. 5, pp. 57–87. (In Russ.)
- Lyutikova E.A. *Russkii genitivnyi possessor i formal'nye modeli imennoi gruppy Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014"*. Vol. 1, Moscow, 2014, pp. 120–145. (In Russ.)
- Mel'chuk I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-Tekst»*. Moscow, 1974.
- Paducheva E.V. *Otritsanie. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1990.
- Paducheva E.V. *Snyataya utverditel'nost' i neveridikativnost'*. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*. Vol 13 (20), Moscow, 2014, pp. 489–505. (In Russ.)
- Pazel'skaya A.G., Tatevosov C.G. *Otglagol'noe imya i struktura russkogo glagola. Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Moscow, 2008, pp. 348–380. (In Russ.)
- Russkaya grammatika*. Ed. by Shvedova N.Yu. T. 1, 2. Moscow, 1980.